

А. А. Гусейнов¹

О НАЦИИ КАК ИДЕЕ И ИСТОРИЧЕСКОМ ЯВЛЕНИИ

Предлагаемые заметки являются приглашением к дискуссии и претендуют лишь на одну из точек зрения в ней.

Несомненный, во многих своих проявлениях очевидный факт общественного развития в современном мире состоит в том, что глобализация и универсализация в одних сферах человеческой жизнедеятельности сопровождаются нарастающей локализацией и кон-

¹ Директор Института философии РАН, академик РАН, доктор философских наук, профессор. Автор более 500 научных публикаций, в т. ч. книг: «Социальная природа нравственности», «Золотое правило нравственности», «Великие моралисты», «Язык и совесть», «Философия, мораль, политика», «Античная этика», «Негативная этика», «Великие пророки и мыслители. Нравственные учения от Моисея до наших дней». Ответственный редактор ежегодника «Этическая мысль», журнала «Общественные науки» (на англ. яз.), член редколлегии журналов «Философские науки», «Вопросы философии». Вице-президент Российского философского общества. Лауреат Государственной премии РФ в области науки и техники. Почетный доктор СПбГУП.

фликтностью в других сферах. Если исходить из того, что цивилизация — это «тело» общества, его материальная сторона, а культура — его «душа», идейно-смысловая сторона, то можно сказать: универсализация касается цивилизационного аспекта общества, а локализация — его культурного аспекта. По сути дела, речь в конечном счете идет именно о конфликте цивилизации и культуры. Человечество по своим экономическим и технологическим показателям, уровню производительных возможностей подошло к той стадии, когда оно способно преодолеть исторически обусловленную разобщенность и перейти к формированию единого цивилизационного пространства. Процессы глобализации как раз ведут в направлении единой цивилизации, охватывающей все человечество. В то же время в области культуры общий вектор развития имеет противоположную направленность, здесь

мы наблюдаем очевидное нарастание непонимания, отчужденности, воинственных противостояний. Складывается впечатление, что человечество цивилизационно готово стать единым, а культурно — нет.

Разумеется, цивилизационный аспект жизнедеятельности не существует вне, помимо культурного. Речь идет не только об общем соответствии между типом цивилизации и типом культуры, которое не без конфликтов и противоречий достигается в пределах больших исторических эпох. Взятая в своем непосредственном выражении цивилизационная деятельность также протекает в определенном интеллектуальном и аксиологическом обрамлении, предполагает и формирует обслуживающую ее человеческую культуру. В этом смысле глобализация, распространяющаяся на все континенты и народы, и для того, чтобы она могла распространяться на них, сопровождается и дополняется соответствующей культурой, необходимой и достаточной для протекания этих процессов. Таковой является, например, идеология, психология и даже этика потребительства, своего рода fast food культуры. Этот непосредственно включенный в практику глобализации суррогат культуры, конечно, не снимает и не смягчает отмеченный разрыв между цивилизацией и культурой, а сам становится дополнительным источником культурных напряжений и противостояний в мире.

Когда мы говорим о нарастающей изоляции и углубляющихся конфликтах в области культуры, в особенности на стыке различных исторически сформировавшихся типов культур, то речь идет о культурах в их относительной или абсолютной самостоятельности по отношению к экономическим и технологическим аспектам общества; о культурах в том виде, в каком они воплощены в соответствующих религиях, искусствах, философиях, нравственных практиках, национальных традициях и тому подобном и имеют для людей самоценное значение. Существует много свидетельств роста культурного самосознания в его акцентированно самобытном выражении, являющегося негативной реакцией на культурные стандарты глобализации. Среди них можно назвать, например, возвращение религии в публичное пространство, рост влияния так называемых консервативных идеологий, возрождение традиционных форм поведения. Одним из свидетельств этого, а тем самым и одним из показателей расхождения между цивилизацией и культурой в современном мире является рост национального самосознания, национализма, национально ориентированных общественных и политических движений. Особого размышления в этом отношении заслуживает опыт Европы.

Новоевропейская цивилизация, которая сегодня играет ведущую роль в цивилизованном выравнивании современного мира, принесла с собой идею национального государства. Национальное государство — это европейское, а если говорить более детально, то западноевропейское изобретение. Именно Европа своей невероятно успешной и в то же время глубоко трагичной судьбой последних двух столетий продемонстрировала необыкновенную продуктивную мощь национально организованной формы общественного бытия и испытала все сопряженные с этим смертельные

опасности. Сегодня Европа стремится прорвать ставший для нее узким горизонт национального государства и сформировать (отчасти даже сформировала) политико-юридическое и финансово-экономическое пространство, которое соответствует общей тенденции, ведущей к единой цивилизации. Однако, как ни странно, это не исключило, а в известном смысле даже обострило национальное самосознание европейских народов, разбудило «спящих собак» этничности.

Судьба национальной идеи в современном мире, в особенности ее противостояние культурно-нивелирующим тенденциям складывающейся глобальной цивилизации, позволяет по-новому взглянуть на феномены нации и национализма в историческом процессе. Здесь хотелось бы обратить внимание на два момента.

1. В нашей литературе, как и в общественном сознании, существуют два разных понимания природы нации. В одном варианте она понимается как этнокультурная общность, принадлежность к которой определяется рождением и воспитанием. Другая точка зрения рассматривает нацию как политическую общность, принадлежность к которой определяется гражданством. Эти концептуальные подходы, на мой взгляд, односторонни и абстрактны. Это не значит, что они ложны. Нет, они именно односторонни. Они представляют собой разное понимание нации, выражающее взгляды и пристрастия тех, кто дает такие определения, но не суть нации в ее полноте. Это приблизительно так, как если бы, желая определить человека, одни говорили бы, что он есть разумное существо, а другие возражали бы, что он есть существо общественное (социальное). На самом же деле человек разумен в качестве социального существа и социален в качестве существа разумного. То же самое относится к отмеченным различиям в определении нации. В действительности нация представляет собой этнокультурную общность, которая получает продолжение и завершение в форме национального государства и благодаря этому становится нацией.

Чтобы понять это единство культурной и политической составляющих нации, следует иметь в виду, что нация возникает как преодоление сословного разделения общества. Национальное государство соответственно является постсословным, то есть демократическим. Государство только в качестве национального становится демократическим.

Сословное государство характеризовалось тем, что господствующие в нем сословия были культурно, ментально отделены от угнетенных сословий, противостояли им. Общество в ту феодальную эпоху было полуобразованным. Образование являлось привилегией так называемых благородных сословий, а низшие сословия составляли необразованную и бесправную массу подданных. Государственное устройство, политика и в значительной степени политический класс в сословно организованном обществе были отделены от этнокультурной основы подавляющего большинства подданных государства. Линии социально-статусных размежеваний были также в целом и линиями культурных размежеваний. Становление нации и формирова-

ние национального государства означали преодоление данного разрыва, и само это преодоление было его важнейшим элементом. Народ становился нацией по мере того, как государство становилось национальным, создавая единое пространство для развития национальной культуры, интеллектуального и человеческого роста своих граждан.

Каждый человек принадлежит определенной этнокультурной общности, это от него так же мало зависит, как факт его рождения и то, в какой семье и культурной среде он родился и вырос. Этнонациональная принадлежность человека — это его судьба. Этничность свою, как и свое тело, человек не выбирает. Это не значит, конечно, что этничность представляет собой биологический феномен. Это лишь значит, что человек есть социальное существо и свою первичную групповую принадлежность он наследует. Этническая принадлежность человека аналогична его биологической определенности только в том, что и то и другое он приобретает еще до того, как получает возможность выбирать. Иное дело — гражданство, которое в значительной мере является делом выбора. Однако человек становится гражданином не в качестве абстрактной единицы, а в своей этнонациональной определенности. Особенность национального государства и одновременно критерий того, что оно действительно является национальным и в этом смысле соответствует своему понятию, состоят в том, что оно позволяет гармонически сочетать предзаданную этнонациональную идентичность человека с его гражданской идентичностью. И оно остается национальным в той мере, в какой умеет это делать. (Особый вопрос: как достигается такое сочетание? Опыт свидетельствует, что оно может достигаться разными путями — от возведения этничности в политический принцип до такого полного отделения одного от другого, когда само гражданство становится своего рода новой этничностью, дополняющей первичную этничность, какой бы она ни была.)

Словом, современная демократия, а соответственно и понятие национального государства, которое является синонимом демократического, включает свободу этнокультурного развития народов как естественной основы индивидуальных свобод. Уместно заметить: именно потому, что нация существует в единстве государственно-политических и этнокультурных аспектов, соединяет в себе идею гражданства и идею этничности, всегда сохраняется опасность универсально-космополитических и националистических, шовинистически-почвеннических извращений в ее понимании.

2. Нация, будучи постсословной формой человеческого общежития, означала не только политическое равенство, трансформацию общества из полуобразованного состояния в образованное и просвещение народа, возвышение патронированных подданных в самостоятельных граждан. Она вместе с тем противостояла разделяющей сословной идеологии и представляла собой новую форму духовной общности. Нация всегда несет определенную идею. Без идеи нации нет самой нации. Нацию можно и следует понимать как определенную форму духовной общности и соответственно как определенную ступень духовного возвышения об-

щества. В этом смысле важно подчеркнуть, что нация является не только постсословным, но и пострелигиозным образованием.

Нация представляет собой пострелигиозное образование не только в хронологическом, но и в собственном историческом смысле. Она находится также в ряду духовных форм и претендует на то, чтобы быть более высокой, объединяющей народ и одухотворяющей ее силой, чем религия. Одной из самых драматичных, пожалуй, самой драматичной линией становления европейских наций было противостояние церковно-папскому универсализму и борьба за сплочение, единство народа против разделяющих его религиозных различий, за учреждение секулярного публичного пространства государства. Одна из доказанных и выстраданных опытом европейского развития в Новое время истин состоит в том, что национальное единство выше и важнее не только классово-политических, но и религиозных различий. Эта же истина получает подтверждение в области межгосударственных отношений: теперь уже оказывается, что национальные различия важнее, намного более существенны и значимы, чем религиозное единство. Общий характер и схемы взаимодействия между господствующей религией и формирующимися нациями, которые продемонстрировала европейская история, подтверждаются также на опыте других регионов, в частности современного мусульманского Ближнего Востока.

Какой более высокий духовный смысл несет нация, в чем заключается ее идея? Выраженная в предельно общем и кратком виде, она заключается в справедливости. Национальная стадия исторического развития одновременно означает принципиально новую, более высокую стадию общественной справедливости. Справедливость, совпадающая с идеей нации в своей антисословной направленности, означает демократическое жизнеустройство общества (то, что в знаменитом лозунге Французской революции 1789 г. выражено словами «свобода» и «равенство»), а в своей антиклерикальной направленности — служение народу (то, что в том же лозунге выражено словом «братство»). Эти два аспекта национальной идеи связаны между собой самым тесным образом: служение народу вместо служения Богу означало готовность найти земное решение человеческих упований, которые как раз увязывались с демократическими формами жизни.

Понимание нации как духовной общности переходит в более высокое понимание человеческого достоинства и справедливости, обеспечивая тем самым гражданское единство и внерелигиозную сплоченность общества. Такое понимание имеет особенно важное значение в том отношении, что оно оставляет открытой перспективу вненационального взгляда на мир, предохраняя тем самым от националистической зашоренности сознания. Национальное самосознание опирается на осознание ценности национального бытия. Это своего рода аксиома, выражающая факт принадлежности человека к определенной нации и позволяющая, даже обязывающая его выделять ее в своих ценностных приоритетах среди всех других наций, подобно тому как он выделяет своих родителей среди всех

остальных людей. Вместе с тем желание блага своему народу и стремление внести свой вклад в его приумножение предполагают знание того, в чем заключается это благо. Это означает, что национальные проблемы можно правильно понять только в более широком, чем сама нация, исторически развивающемся контексте человеческой и исторической справедливости.

Взгляд на нацию как одновременно исторический и духовный феномен напрямую связан с пониманием патриотизма. Патриотизм как любовь к Отчеству включает привязанность ко всему своему, родному — к языку, природе, воспоминаниям детства, памяти предков и т. п. Одновременно и даже прежде всего он нацеливает на то, чтобы подчинить личные интересы общественным («жила бы страна родная, и нету других забот!»), понятым именно как благо своего народа и государства. Патриотический строй мыслей и чувств выходит в жизни человека и общества на первый план тогда, когда речь идет о взаимоотношениях, сотрудничестве, конкуренции, конфликтах с другими народами и государствами. Патриотизм выражает жизненную позицию, исходящую из убеждения, что Родина (Отечество) — превыше всего. Он соединяет, сплачивает людей в пределах Отечества и в то же время неизбежно (по крайней мере до некоторой степени) ментально замыкает их в этих пределах, обособляя тем самым от представителей других отечеств. В этой двойственности заложена возможность различных теоретических и идеологических толкований патриотизма, в результате чего патриотизм, призванный сплачивать людей, становится источником раздоров между ними.

В истории России то или иное понимание патриотизма (своего и чужого, самобытности и универсальности, традиций и заимствований и т. д.) было одним из основных предметов идейных и практических противостояний в обществе. Тема эта в русском исполнении настолько большая и сложная в своих конкретных решениях и нюансах, насколько и острая, даже кровавая в своих практических следствиях. В общем и целом в данном вопросе выделяются два полярных подхода, каждый из которых называет свой взгляд на патриотизм истинным, а противоположный — ложным.

Один из этих подходов, который идейными противниками был клиширован как слепой и казенный, акцентирует внимание на самобытности России. Он исходит из того, что у России свой особый путь и иноземные, прежде всего западные, заимствования для нее губительны, что ее беды начались с реформ Петра I, свернувшего страну с ее собственного оригинального пути на путь заимствований западных образцов. Представители этого направления считают, что свое лучше чужого лишь потому, что оно свое. Их отношение к истории, традициям и быту народа является не критическим, и потому их патриотизм считается слепым. А одну из счастливых особенностей своего народа они видят в покорности государству, стоящему на страже общего блага, и потому патриотизм их именуется казенным. В самом общем философско-методологическом плане данный подход получил выражение в концепции локальных культурно-исторических

типов Н. Я. Данилевского, согласно которой не существует общих закономерностей и единой линии развития народов, а каждый из них в своей типологической определенности равен самому себе. В конкретной нравственно-политической направленности патриотизм в данном случае отождествляется с национализмом и реализует себя в противостоянии буржуазно-индивидуалистической Европе.

Другой подход, который его идейными противниками обозначается как универсалистский, космополитичный, антинациональный, исходит из убеждения, что нация не является последним словом истории и ее судьбу надо рассматривать в более широкой, чем сама нация, духовной и исторической перспективе. Суммируя кратко, его можно свести к следующим положениям.

Нельзя любить Родину с закрытыми глазами: патриотизм не исключает, а предполагает и требует критического отношения к наличному состоянию народа и государства, уровню их политического, интеллектуального, нравственного развития.

Никто не имеет патента на патриотизм, тем более правящие круги, которые склонны злоупотреблять патриотическими чувствами ради охраны и укрепления своего привилегированного положения.

Патриотизм — это не национализм, он предполагает и требует уважительного отношения к другим народам и государствам, заимствования всего передового, ценного из их опыта и достижений.

Второй подход, на мой взгляд, исходит из более адекватного понимания нации как исторического и духовного феномена, чем первый.

Ниже приведу ряд цитат В. С. Соловьева в надежде, что он может стать одним из в высшей степени полезных заочных участников нашей дискуссии. Его позиция может быть сегодня особенно актуальной в том, что касается национализма, имея в виду, что сегодня об этом стали говорить без негативной коннотации¹.

«Ставя, в силу национального принципа, служение своей (курсив мой. — А. Г.) народности как *высшую цель*, каждый народ тем самым обрекает себя на нравственное одиночество...» (с. 280).

«...принцип национальностей может представляться в другом виде: он может являться не как выражение народного эгоизма, а как требование международной *справедливости*, в силу которой *все* народности имеют *равное* право на самостоятельное существование и развитие» (с. 280).

«Для того чтобы народ был достойным предметом веры и служения, он сам должен верить и служить чему-нибудь высшему и безусловному: иначе верить в народ, служить народу значило бы верить в *толпу людей*...» (с. 281).

«Но чтобы патриотические заботы о народной самостоятельности были плодотворны и безупречны, необходимо помнить две вещи: во-первых, что самостоятельная народность все-таки не есть высшая и окончательная цель истории, а есть лишь средство или ближайшая цель; а во-вторых, что к достижению этой

¹ Цитаты взяты из работы «Национальный вопрос в России» по изданию: Соловьев В. С. Сочинения : в 2 т. М. : Правда, 1989. Т. 1 : Философская публицистика. (В скобках по тексту указаны страницы этого издания.)

ближайшей цели ведет отнюдь не возбуждение национального эгоизма и самомнения, а, напротив, пробуждение национального самопознания, то есть познания себя как служебного орудия в совершении на земле Царствия Божия» (с. 284).

«Вы говорите: служа своему народу, мы тем самым служим и человечеству. С таким же правом можно сказать, что служа самому себе, я служу своей семье, служа своей семье — служу своему народу и т. д., и в результате выйдет, что я могу ограничиться служением самому себе. Но *каким* служением? Все это только игра слов; дело же зависит от того, *в чем и как* я служу себе и другим» (с. 307).

«...у целого народа не только есть совесть, но иногда эта совесть в делах национальной политики оказывается более чувствительною и требовательною, нежели личная совесть в житейских делах» (с. 328).

«Помимо внешних благ, о которых должно заботиться государство, народ наш хочет еще совсем другого. Он хочет *правды*, то есть согласия между действительною жизнью и той истиной, в которую он верит» (с. 331).

«Внутреннее противоречие между требованиями истинного патриотизма, желающего, чтобы Россия была как можно лучше, и фальшивыми притязаниями национализма, утверждающего, что она и так всех лучше, — это противоречие погубило славянофильство как учение...» (с. 444).

«Вместо того чтобы настаивать на русском пути и русских началах, как будто русское и хорошее значили одно и то же, — следовало точнее и последовательнее отделить в русской действительности и русской истории белое от черного, нисколько не смущаясь тем, что белый цвет одинаково бел для всех народов земли» (с. 475).

«...различия между *национальностью* и *национализмом*, — ведь это то же самое, что различие между *личностью* и *эгоизмом*» (с. 516).

«...*народность* и *национализм* две вещи разные (так же как *личность* и *эгоизм*)...» (с. 592).

«...отречение от своего национального эгоизма вовсе не есть отрицание своей народности...» (с. 592).

«Человечество представляется нам чем-то отвлеченным — пусть так; но ведь и нации сложились на глазах истории, и тысячу лет тому назад “Франция”, “Германия” должны были представляться такими же отвлеченными терминами, как теперь “человечество”» (с. 602).

«*Какому* национальному делу служили, *чье* национальное самосознание выражали апостолы, мученики, наконец, великие учителя церкви?..

Это обстоятельство лучше всего уясняет нам великую разницу между *народностью* как положительною силой в живых членах единого человечества, и *национализмом* как началом отделения частей от целого — началом, отрицающим человечество и губящим самую народность. Только понимая и принимая это различие, можно выйти из темной и душливой сферы национального *самодовольства* на открытый и светлый путь национального *самосознания*» (с. 603–604).

«Народность *сама по себе* есть лишь ограниченная часть человечества, могущая стоять в том или другом отношении к абсолютному идеалу, но ни в каком случае не тождественная с ним; поэтому когда такой частный факт берется как он есть и возводится в высший принцип, когда отдельному народу приписывается исключительная и неотъемлемая привилегия или монополия на абсолютную истину, тогда он из преимущественного носителя и служителя всечеловеческого идеала превращается в безусловный довлеющий себе предмет нашего служения, то есть в *идола*, поклонение которому основано на лжи и ведет к нравственному, а затем и материальному крушению» (с. 628–629).